

Русская усадьба в зеркале путеводителей советской эпохи (на примере Московского региона)²²

Russian Manor in the Mirror of Soviet-Era Guidebooks (Using the Example of the Moscow Region)

MARÍA S. FEDOSEEVA, *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences*

makanja@list.ru

Received: July 30, 2022.

Accepted: October 21, 2023.

DOI: <https://doi.org/10.30827/meslav.v1i22.25916>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется образ усадьбы, создававшийся и транслировавшийся в текстах путеводителей по Подмосковию 1920-х – 1980-х гг. Московская область выбрана ареалом исследования как регион с высокой концентрацией усадебного наследия, имеющего большую историческую и культурную ценность. С учётом значительных тиражей (доходивших до 100 000 экземпляров) и большого интереса советских людей к туризму тексты путеводителей можно считать важным сверткостекстом, оказывавшим существенное влияние на формирование общественного мнения, в том числе на представление об усадьбах. На основе исследования более чем двух десятков путеводителей разного времени прослежены общие тенденции в представлении материала, связанного с усадебным наследием. Так, автор делает выводы об избирательности в выборе материала и ангажированности большинства путеводителей 1920-х – середины 1950-х гг., акцентировавших внимание читателя на сословном неравенстве, лежавшем в основе усадебной жизни. В статье показано, как постепенно, по мере удаления от революционных событий, такой угол рассмотрения усадебного наследия смягчался. В путеводителях всё чаще можно было встретить осмысление усадьбы как ценного историко-художественного наследия, которое необходимо сохранять и изучать. Путеводители советской эпохи представляют сегодня большой интерес – прежде всего, культурологический, демонстрируя динамику осмысления усадебного наследия; кроме того, они содержат ряд ценных сведений об усадебных ансамблях, в частности, об их сохранности в разные периоды времени, этапах музеефикации и др.

Ключевые слова: усадьба, Подмосковье, путеводитель, СССР, цензура.

ABSTRACT

The article examines the image of the estate, which was created and broadcast in the texts of guidebooks for the Moscow region of the 1920s – 1980s. The Moscow region was chosen as the area of study as a region with a high concentration of estate heritage, which has great historical and cultural value. Taking into account the significant circulations (up to 100,000 copies) and the great interest of Soviet people in tourism, the texts of the guidebooks can be considered an important supertext that had a significant impact on the formation of public opinion, including the idea of estates. Based on the study of more than twenty guidebooks of different times, general trends in the presentation of material related to the estate heritage are traced. Thus, the author draws conclusions about the selectivity in the choice of material and the engagement of most of the guidebooks of the 1920s – mid-1950s, which focused the reader's attention on the class inequality that underlay estate life. The article shows how gradually, as we move away from the revolutionary events, such an angle of consideration of the estate heritage softened. In guidebooks, it was increasingly possible to find an understanding of the estate as a valuable historical and artistic

²² Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

heritage that needs to be preserved and studied. Guidebooks of the Soviet era are of great interest today – first of all, cultural, demonstrating the dynamics of understanding the estate heritage; in addition, they contain a number of valuable information about manor ensembles, in particular, about their preservation in different periods of time, stages of museification, etc.

Keywords: manor, Moscow region, guidebook, USSR, censorship.

В последние десятилетия наблюдается рост интереса к усадебному наследию в обществе и в науке. Примерами могут служить деятельность возрожденного в 1992 г. Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ), а также деятельность проектов «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» (2018-2020) и «Усадьба и дача в русской литературе XX и XXI веков: судьбы национального идеала» (2022 – н.в.) (рук. О.А. Богданова), реализуемых в ИМЛИ РАН при поддержке Российского научного фонда, исследующих «усадебный топос», образ усадьбы в текстах разных авторов разного времени.

Судьбы усадьбы как национального идеала в XX в. складывались непросто. Сохранившиеся после Октябрьской революции усадебные комплексы продолжили существование в новом качестве – как музеи, лечебные и учебные учреждения и пр. «Новая жизнь» усадеб получала осмысление и отражение в самых разных текстах – художественной, научной литературе, литературе нон-фикшн. Полагаем, что при изучении «усадебного топоса» советского времени особое внимание следует уделить текстам путеводителей. С учетом значительных тиражей (доходивших до 100 000 и более экземпляров) и большого интереса к туризму тексты путеводителей можно считать сверхтекстом, формировавшим общественное мнение.

Важное свойство путеводителей – способность быть инструментом конструирования достопримечательностей. «Конструирование достопримечательностей включает: переименование памятника истории или искусства в поле функционирования массовой культуры; упрощение, а зачастую и искажение смыслов, ценностей, значений; тиражирование и организация массового потребления и т.д. Путеводитель переводит предметы истории, культуры, элитарного искусства в объекты массовой культуры, влияет на ожидания и задачи путешественника» (Рущинская, 2011, с. 53). Обращение к истории местности позволяет автору (или коллективу авторов) отбирать факты, компоновать их по своему усмотрению, конструировать маршрут движения так, чтобы обозначить определенную позицию и сформировать ее у читателя.

Путеводители по Подмоскovie советского периода имели разную направленность и предоставляли самую разную информацию: общую характеристику природы, истории и экономики региона, описание достопримечательных мест (архитектурно-художественных памятников, музеев, мест, связанных с историческими событиями или деятельностью выдающихся людей прошлого), маршруты пеших и лыжных походов и водных путешествий, места рыбной ловли, сбора грибов, охотничьи угодья, места для купания и т.п. Усадебному наследию в них уделено значительное место — по причине высокой концентрации в этом регионе памятников усадебного искусства. Такое обилие специфических памятников нельзя было обойти вниманием — можно было только осмыслить и в том или ином ключе преподнести читателю, причём читателю заинтересованному: устойчивый интерес к усадебному наследию существовал

как до Октябрьской революции, так и после. Так, автор одного из последних предреволюционных путеводителей «Подмосковные» (книга 1 – 1912 г., книга 2 – 1914 г., 2-е изд. — 1914 г.) Ю.И. Шамурин писал: «Успех моей книги “Подмосковные”, разошедшейся в течение первого же года, свидетельствует о значительном интересе к недавнему прошлому русской культуры» (Шамурин, 1914: 4). Десять лет спустя члены Общества изучения русской усадьбы В.В. Згура и А.Н. Греч писали о «большом внимании [к усадьбам] со стороны интересующихся русским искусством и культурой» (Экскурсии в подмосковные, 1925, с. 5).

В статье прослеживаются общие тенденции презентации усадебного наследия в путеводителях, которые являются продуктом своей эпохи, прошедшим цензурный контроль содержания. При этом следует отметить, что путеводители советской эпохи неоднородны, они писались разными людьми (чаще всего – коллективом авторов) в разное время и о разных усадьбах, в них может просматриваться и авторский почерк, и личная заинтересованность авторов в том или ином сюжете, и субъективное отношение к усадебному наследию.

Разные подходы к памятникам хорошо видны на примере путеводителей 1920-х гг.

Особняком стоят и представляют и сегодня большой интерес издания Общества изучения русской усадьбы: «Экскурсии в подмосковные» (1924, 1925, 1926), «Дачи и окрестности Москвы» (1928, 1930) и др. Их венцом является путеводитель «Памятники усадебного искусства. Московский уезд» (1928, вып. 1 и единственный, тираж 1000 экземпляров), созданный на высоком профессиональном уровне по результатам научно-просветительских экспедиций и зафиксировавший положение дел в усадьбах в 1920-е гг. Путеводитель давал краткие художественные справки (о владельцах, архитектурных особенностях, сохранности), библиографию, важные технические указания. Ценность этого путеводителя — в его всеохватности (включении памятников «второстепенного» значения и труднодоступных ансамблей наравне с признанными и доступными для осмотра шедеврами; комплексном подходе к усадьбе), непосредственном, эмпирическом знакомстве с материалом в ходе полевых исследований, а также серьезном научном подходе²³ (об этом говорит хотя бы книга А.Н. Греча «Венок усадьбам», написанная позже, в 1932 г., в ссылке, по памяти), поскольку членами общества осознавалась «неминуемость ближайшего и окончательного разрушения» (Экскурсии в подмосковные, 1925, с. 5) ряда памятников усадебного искусства. После того, как общество в 1930 г. было ликвидировано (а многие его члены впоследствии подверглись репрессиям), его труды как будто бы пропали из виду. На самом деле, они стали неким образцом и подводным течением, откуда черпали сведения следующие поколения авторов путеводителей, иногда упоминая В.В. Згуру, А.Н. Греча и др. (Длугач, Миллер, Романов, 1941, сс. 33, 73). Однако, им на смену приходили путеводители нового типа (например, «Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы»

²³ Так, была создана картотека с материалами по форме, состоявшей (максимально) из 17 пунктов: название, местонахождение, последний владелец, преобладающий архитектурный характер, сохранность в настоящее время, историческая справка, архитектура (перечисление и краткое описание памятников), садовая архитектура и парк, внутреннее убранство усадебного дома, собрание, библиотека, архив, театр и театральное здание, библиография и архивные источники, архитектурный материал (планы, чертежи и проч.), иконография, примечания.

(1926, тираж 15000 экземпляров), который можно назвать примером ангажированного советского путеводителя), решавшие на материале усадеб свои задачи.

В первые десятилетия своего существования советской власти требовалось оформить отношение к усадьбе как к воплощению и символу классовой несправедливости. В советских путеводителях первой половины XX в. усматривается тенденция подчёркивать «классовую сущность» усадеб. Вырабатывается корпус «любимых» сюжетов, которые оказываются востребованными большинством путеводителей по Подмосковию. К таким сюжетам следует отнести, в первую очередь, историю усадьбы Марфино. Путеводители (которые, к слову, часто переписывали сведения друг у друга – ср., напр., статьи об усадьбе Марфино в путеводителях 1930, 1941, 1953 гг.) тиражируют «старое предание» (Вокруг Москвы, 1930, с. 43) (устное и недостоверное), согласно которому «самодур-помещик» (Подмосковье, 1953, с. 202) Б.А. Голицын остался недоволен постройкой церкви талантливым крепостным архитектором Владимиром Белозёровым «и отдал приказ высечь её строителя. Белозёров под розгами скончался и был похоронен рядом со своим творением» (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 134). Ещё одним востребованным марфинским сюжетом стало сравнение соседствовавших псарен («дворцов для собак») (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 132) и «тёмных курных избенок “добрых поселян”, как называл их в своей пьесе Н.М. Карамзин» (Подмосковье, 1953, с. 203) (речь идёт о пьесе «Только для Марфина», «прославлявшей крепостное право» (Там же)). А сюжет о жестоких крепостниках в разных вариантах повторяется во всех путеводителях первой половины XX в. Так, путеводитель 1926 г. писал о поместье кн. Львова у станции Химки, где «на старинных конюшнях <...> князь Львов когда-то порол “непокорных” крестьян», и церкви, в которой, «по рассказам старожилов, <...> венчались “дворовые девки”, ставшие жертвами сластолюбивого князя» (Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы, 1926, сс. 78-79); об имении князей Черкасских вблизи станции Кудиново, где «по местным преданиям в подземном ходу (частично сохранившемся), простирающемся на 2 кил., жестокими князьями замучивались крепостные» (Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы, 1926, сс. 143-144). Путеводитель «Литературное Подмосковье» (1950) писал о «целом гареме крепостных девок» владельца Архангельского князя Н.Б. Юсупова — «просвещённого вельможи», но «закоренелого крепостника» (Литературное Подмосковье, 1950: 11). Отметим, что и в путеводителях ОИРУ этот сюжет мог быть проявлен, но он был гармонично вписан в текст, описывающий усадьбу как единый организм; таково описание А.Н. Гречем конного двора усадьбы Кузьминки в путеводителе «Экскурсии в подмосковные» (1925): «Здание это причудливо соединяет в себе конюшню и место для оркестра, лошадиные стойла и “храм Аполлона”. И это сочетание едва ли не символично для русского крепостного быта, где конюх мог одновременно быть музыкантом и где провинившегося артиста по барской воле секли на конюшне... Но из соединения по существу несоединимого художник создал в архитектурном отношении нечто замечательно цельное» (Цит. по: Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 73). Путеводители акцентировали внимание на «праздном препровождении» (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 5), «потребительстве» усадебного уклада, охотно писали о «барских затеях» (Вокруг Москвы, 1930, с. 158), «нелепых фантазиях» (Иллюстрированный

путеводитель по окрестностям Москвы, 1926, с. 94), «княжеских чудачествах» (Вокруг Москвы, 1930, с. 109): о плите над могилой лошади князя Сергея Александровича в Усове; о «страдавшем манией преследования» владельце Дубровиц Дмитриеве-Мамонове, который «собрал здесь большое количество разных вещей и прожил много лет, запершись в одной комнате, прячась даже от собственного лакея» (Там же: 157); о доме Дурасова в Люблине, построенном «со странной целью увековечить полученный им орден “Анны” <...> дом должен был по возможности точно воспроизвести в своем плане рисунок анненского орденского креста» (Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы, 1926, с. 94), о «варварском расточительстве, удивительном даже в “блестящий век” Екатерины» – приказе императрицы сломать практически готовый дворец в Царицыне «из чувства мести к Баженову за близость к опальному просветителю Н.И. Новикову и к нелюбимому Екатериной наследнику Павлу» (Куделин, 1957, с. 101) и о других плодах «”вельможной” психологии» (Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы, 1926, с. 94). Символами крепостной усадебной жизни предстают ансамбль роговой музыки «из сорока человек, жизнь которых проходит в выдувании одной ноты» (Другач, Миллер, Романов, 1941, с. 74), или «работы крупных крепостных художников Шереметева, которые по распоряжению владельца копировали чужие картины» (Подмосковье, 1953, сс. 186-187). В очерках об усадьбах освещаются трагические судьбы «даровитых людей, вышедших из народа и работавших в эпоху крепостного права» (Другач, Миллер, Романов, 1941, с. 5): выдающегося художника Ивана Аргунова, мозаичиста Никифора Васильева, по преданию, ослепшего «на этой тонкой и кропотливой работе» (Там же: с. 6), актрисы Прасковьи Жемчуговой: «Много горя принесла ей любовь графа: положение любовницы барина унижало её, как выдающуюся артистку, доставило ей насмешки, зависть, злобу со стороны окружающих» (Там же: с. 12). Да и в целом, путеводители не уставали напоминать, что за каждой усадьбой стояли «творчество, талант и тяжёлый труд русского крепостного крестьянства» (Там же: 3).

«Всегда надо помнить, – писал путеводитель «Литературное Подмосковье» в 1950 г., — что роскошь вотчин <...>, все эти богатства — картины, бронза, библиотеки, скульптуры и гобелены — были приобретены их всевластными собственниками — феодалами-помещиками за счёт тяжкого труда многих тысяч крепостных крестьян, жестоко ими эксплуатируемых. <...> И вот эту-то “нужду-кабалу” крепостных рабов необходимо вспомнить теперь, когда мы, счастливые современники социалистического строя, будем осматривать и изучать памятники прошлого. Эти прекрасные произведения давно ушедшей дворянской культуры свидетельствуют о талантливости и высокой одаренности русского народа — подлинного создателя этих исторических памятников архитектурного и садового искусства» (Литературное Подмосковье, 1950, с. 5).

В этих строках, однако, чувствуется стремление сохранить усадебные ансамбли – хотя бы как памятник таланту простого народа и уродливости крепостного права. Путеводитель 1926 г. выражался значительно резче: «И действительно, что нужнее, что ценнее современному человеку: полукружия коринфских колонн, над созданием которых трудились, в многотрудном поте лица своего, под злые окрики надсмотрщиков, рабочие артели прошлого века, или <...> электрические лампочки, которыми искрится ныне, как золотыми созвездиями, Советское Люблино» (Иллюстрированный

путеводитель по окрестностям Москвы, 1926, с. 95). Сравнение дореволюционного прошлого и советского настоящего – излюбленный приём путеводителей первой половины XX в., хорошо приложимый и к усадебному наследию. Общий пафос очерков сводится к тому, что после «грома Октября» усадьбы и дачи «перешли в руки тех, кем они были построены и кому по праву принадлежали» (Там же: с. 60), место прежних миллионеров заняли «другие миллионеры» – колхозы и совхозы (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 44), а также приюты, войсковые части, научные институты, учебные заведения, летние базы вузов, опытные станции, музеи, детские лагеря, санатории и дома отдыха, где «пышные праздники для привилегированной группы людей в прошлом сменились в настоящее время рационально поставленным отдыхом сотен трудящихся» (Вокруг Москвы, 1930, с. 198).

Но то, что являлось объектом восхваления советских путеводителей, – «новая жизнь» (Там же) усадеб, «яркие черты нового <...> на фоне этого старого ушедшего быта» (Там же: сс. 108-109) – с болью описывал, находясь в заключении, знаток усадеб А.Н. Греч в книге «Венок усадеб». Противоположностью оптимистической риторике путеводителей звучат его наблюдения о сохранении усадебного наследия, достижениях Октябрьской революции и пр. «Оживлённым группам отдыхающих» (Вокруг Москвы, 1930, с. 109), «весёлым голосам детей из детского дома, открытого здесь советской властью, или рабочей молодежи, приехавшей в дом отдыха» (Там же: 10) он противопоставляет усадьбы «омертвевшие, лишённые жизни» (Греч, 2010, с. 187). «Наша эпоха <...> осваивает культурное наследие, бережно охраняя лучшее, что оставлено нам минувшими временами, ставит его на службу новой жизни», – рапортует путеводитель 1950 г. (Литературное Подмоскovie, 1950, сс. 29-30) – «Большинство дорожек в парке заглохло; протоптаны ногами многочисленных посетителей новые тропинки и дороги. После праздных дней до следующей недели хранит парк память о [теперешних] своих посетителях – обрывки газет, конфетные обёртки, пустые, опорожнённые бутылки, помятую траву, густую шелуху семечек и орехов на дорожках. В дни же отдыха в парке Горенок толпа людей – “московские африканцы” в трусах, дешёвыми духами надушенные девицы, заглушающие ароматами запахи травы и леса, ухарские взвизгивания гармошки, треньканье гитары и балалайки, стереотипные и тупо заученные комсомольские песни, непрерывно распеваемые, верно, потому, что нет у этих людей мыслей и тем для беседы. Человеческое стадо, представленное этой толпой, топчет и срывает всё на своём пути, заполняя к вечеру густой, безнадёжно однообразной и ограниченной массой платформы ближайших дачных станций» – будто отвечает Греч в книге, которую, конечно, и не мечтал издать (Греч, 2010, сс. 219-220);

«советская республика бережно охраняет памятники далеко отошедшего прошлого» (Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы, 1926, с. 25)²⁴, «Научные работники со знанием дела и с любовью <...> не только охраняют и изучают уцелевшее, но и восстанавливают исчезнувшее. Парк в образцовом порядке [речь об образцово-показательном Архангельском – М. Ф.]» (Литературное Подмоскovie, 1950,

²⁴ Хотя путеводитель не раз проговаривается: «Барские дома не уцелели. Они разграблены и растасканы на дрова в годы революции» (Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы, 1926, с. 108), «Земля передается крестьянам для засева; всякого рода барские постройки за негодностью продаются на снос» (Там же: 156).

сс. 29-30) – «Разорено всё, а случайно уцелевшее доживает в своей обречённости... В десять лет создан грандиозный некрополь» (Греч, 2010, с. 22) – пишет Греч, вспоминая постройки, пострадавшие «от невежественных, разрушающих рук слепых исполнителей в 1917 году брошенных в толпу разрушительных лозунгов» (Там же: с. 209) и отмечая «типично национальное неуважение к старине и искусству» (Там же: с. 187);

«старый дворец [Архангельского] словно помолодел <...> В его залах — музей. В них нет теперь “спёртого воздуха”, не видно в них ни “стен, сдавших свой цвет”, ни старика “кустода в черном потертом сюртуке”. Парк в образцовом порядке. <...> Он лишён всякой меланхолической задумчивости, свойственной запущенным уголкам былого. Парк дышит радостной жизнью нашего советского сегодня» (Литературное Подмосковье, 1950, сс. 29-30), – пишет путеводитель 1950 г. – по мнению же Греча, сохранившиеся усадьбы «слишком музейны», «в них не осталось флюид прошлого и призрачных образов» (Греч, 2010, с. 187);

«после революции все художественные ценности усадьбы перешли во владение государства и ныне хранятся в различных музеях» (Иванов, Барсуков, Федюкин, 1967, с. 302), «Все эти реликвии [сохранённые в Остафьеве – М. Ф.] ныне находятся в музеях» (Подмосковье, 1953, с. 231) – «Вырванные из бытового окружения, стали хламом старые вещи в залах-кладовых Исторического музея» (Греч, 2010, с. 81);

путеводители описывают «ряд новеньких дач» (Португалов, Длугач, Левитин, 1935, с. 17) на месте усадеб, «колоссальный рост культуры и материального благосостояния нашей страны» (Там же: с. 112) – по мнению Греча, «жалкие посёлки, скученные и смрадные дома возникли на месте прежних садов и парков» (Греч, 2010, с. 215);

если в советском дискурсе усадебная старина «навевает тяжелые сны о минувшем» (Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы, 1926, с. 107), то для Греча в ней заключена «культура двух столетий <...> памятники искусства и быта, мысли и образы, вдохновлявшие русскую поэзию, литературу, музыку, общественную мысль» (Греч, 2010, с. 22).

В книге Греча «Венок усадьбам» – доскональное знание, тонкое понимание усадьбы и огромная боль от её исчезновения: «после 1917 года русскую усадьбу следует смотреть на расстоянии. А после 1930 года – не одними ли только глазами памяти?» (Там же: с. 42). Это весьма своеобразный путеводитель – «эпилог <...>, надгробный камень» (Там же: 22), путеводитель по уголкам своей памяти, поэтичный, но при этом научный – в нём зафиксировано реальное состояние усадеб на 1920-е гг., иногда с очень живыми подробностями: например, автор вспоминает, что в 1920 г. дом в Ершове «ещё сохранялся как музей. Правда, довольно своеобразно охраняемый. Попасть в него можно было беспрепятственно и через окно» (Там же: с. 44).

Конечно, книга Греча, в силу условий, в которых была написана, в силу глубокого знания предмета, акцентирует внимание на утратах. Греч понимал, что сохранять нужно не только лучшее, но и, казалось бы, рядовые постройки, поскольку они образуют «недостающее связующее звено» (Греч, 2010, с. 161) для понимания единства культурного процесса. Советское же государство приспособляло наследие для своих нужд, осваивало его весьма избирательно. Это нашло отражение и на страницах путеводителей. Так, многие из них, особенно первой половины XX в.,

при описании усадеб делали акцент на связанных с ними оппозиционных царскому режиму деятелях, революционных событиях (как, например, в очерках о Кузьминках, связанных с В.И. Лениным и первой маёвкой (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 76; Иванов, Барсуков, Федюкин, 1967, с. 28; и др.)) и т.п.

О пребывании Ленина в усадьбах следует сказать особо. Описывая усадебную жизнь вождя мирового пролетариата в Горках, путеводители подчёркивали «необычайно скромную обстановку ленинских комнат» (Иванов, Барсуков, Федюкин, 1967, с. 53) и простоту быта и досугов Владимира Ильича, доступных каждому: «украдкой от охраны» (Вокруг Москвы, 1930, с. 180) он «гулял по парку и в лесу, купался и удил рыбу в реке Пахре» (Португалов, Длугач, Левитин, 1935, с. 129); «С первого приезда полюбили Владимира Ильичу окрестные места и обширный парк с аллеями и прудами, а неприглянувшуюся пышную обстановку дома и теннисный корт в парке перед домом он со свойственной ему скромностью попросил оставить так, как есть, считая всё окружающее народным достоянием. <...> простые вещи в комнатах на фоне изысканной обстановки дореволюционных владельцев усадьбы только подчеркивают его великую простоту» (Подмосковье, 1956, сс. 26, 24)». В этом же ключе даётся описание усадебной жизни А.П. Чехова в Мелихове. Путеводители описывают «скромную усадьбу» (Литературное Подмосковье, 1950, с. 77), «маленький флигелёк» (Вокруг Москвы, 1930, с. 162) и делают акцент на том, что «деревянный, небольшой, одноэтажный, простой и уютный дом ничего общего не имел со “стильными” домами дворянских усадеб» (Литературное Подмосковье, 1950, с. 83). В текстах подчёркивается, что при Чехове меняется само устройство усадебной жизни: исчезает характерная чёткая граница между усадьбой и деревней²⁵ («не изоляция от деревни, а возможно более близкое содружество с нею» (Литературное Подмосковье, 1950, с. 90)), а основой мелиховской жизни чеховской семьи становится «общественно-полезный труд» (Литературное Подмосковье, 1950, с. 83), работа на участке (Чеховы отказываются от прислуги), приём пациентов, просветительская деятельность, литературная работа и пр.²⁶

Безусловно, усадьбы могли быть разными – от поместий дворцового типа до скромных дачных участков, где жизнь проходила в повседневных заботах и радостях. Путеводители непременно отмечали те усадьбы, которые «никогда не славились

²⁵ «Классовое» разделение усадебной жизни на дворянскую и крестьянскую – характерная черта образа усадьбы в советских путеводителях: при описании Покровского-Стрешнева упоминается «высокая кирпичная стена с монументальными въездными воротами и солидными башнями по сторонам», которая «отделяла богатую и безвкусную княжескую усадьбу от жалких невзрачных домишек и окружавших их палисадников из чахлах деревьев села Покровского» (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 62); въезд в дом отдыха им. Фрунзе (б. усадьба Голицыных) оформляют «два каменных столба <...> – немые свидетели былой границы, отделявшей от села замкнутый дворянский мир» (Вокруг Москвы, 1930, сс. 108-109); в Кускове «второй этаж “Эрмитажа” не сообщался с первым; сделано это для того, чтобы гости, которых принимали на втором этаже, не видели обслуживающих их крепостных, находившихся в первом этаже» (Подмосковье, 1953, с. 186) и т.д. Отсутствия этой границы боялся А.Н. Греч, писавший, напротив, об отделении усадьбы «когда-то наглухо замкнутыми воротами <...> от окружающей пошлой жизни» (Греч, 2010, с. 80).

²⁶ К слову, простота Чехова упоминается при описании другой усадьбы — Горки: «побывал в усадьбе И.И. Левитан. Здесь им написана картина “Золотая осень”. Однажды Левитана посетил А.П. Чехов, но очень скоро уехал отсюда, возмущённый “лакейско-купеческой” обстановкой и бытом Морозова» (Куделин, 1957, с. 136).

роскошью празднеств, великолепием убранства, причудами владельцев», где «жизнь текла ровно и покойно, в атмосфере истинной культурности» (Греч, 2010, с. 193) или где проросли ростки классовой справедливости: дом в Витенёве, «принадлежавший когда-то Салтыкову-Щедрину и отданный им управляющему имением Каблукову, с которым его связывала тесная дружба. Сейчас в этом доме живет сын бывшего управляющего – академик Каблуков» (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 151), Авдотьино Н.И. Новикова, пытавшего наладить жизнь крепостных в усадьбе (он снабжал хлебом нуждающихся, боролся с разобщённостью крестьян) (Подмосковные, 1946, с. 20); Абрамцево, «обитатели которого принадлежали к культурнейшим людям своего времени» и которое было «свидетелем не только сельского отдыха и развлечений, но и большой творческой работы» (Литературное Подмосковье, 1950, сс. 58-59); Захарово – «мирный уголок», который А.С. Пушкин «противопоставляет дворцам и роскоши» (Подмосковье, 1953, с. 223), и ряд других.

Литература, истолкованная через призму вульгарного социологизма, также была поставлена на службу «идеологии» путеводителей. Это хорошо видно на примере того же чеховского Мелихова. Путеводители отмечали, что в написанных там в 1880-х гг. рассказах «Мужики», «В овраге» и др. «почти фотографически точно описано Мелихово. Крестьяне вам укажут избу, где жил Чекильдеев, и назовут лиц, с которого нарисованы многие герои этого рассказа» (Вокруг Москвы, 1930, с. 162). Читателю предлагалось сравнить «бесконечно тоскливую картину обнищания деревни в пореформенное время» (Там же), с «ужасающими бедностью и некультурностью: в Мелихове было три трактира и не было школы» (Литературное Подмосковье, 1950, с. 78), и «новую жизнь» (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 32) послереволюционного Мелихова, где произошла «глубокая перестройка» (Вокруг Москвы, 1930, с. 162): «Там, где когда-то врач Чехов ездил по фабрикам и выпрашивал, как милостыню, деньги на организацию холерных бараков, – сейчас работают 22 врача в 5 больницах, 8 амбулаториях и поликлиниках, 4 фельдшерских пунктах, женской и детской консультациях» (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 32); здесь «находится один из передовых в районе колхозов. <...> Осуществляется славная мечта писателя о созидательном, творческом труде» (Подмосковье, 1956, с. 250). Аналогичные сюжеты разворачиваются в текстах, посвящённых Захарову, где сопоставляются крестьяне пушкинской «Деревни» и живущие в деревенских избах «другие, счастливые советские люди» (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 47), Покровскому, где «всё уродливое, так мастерски описанное Герценом, ушло в далёкое безвозвратное прошлое» (Там же: с. 52).

Собственно, одной из задач посещения усадьбы путеводители считали проникновение в социальную обусловленность созданного в ней: «Очерки о местах, связанных с жизнью и творчеством писателей, помогают глубже понять ту социальную обстановку, в которой создалось то или иное произведение, общественную атмосферу, окружавшую писателя во время его творческой работы» (Литературное Подмосковье, 1950, с. 7). Другой важнейшей целью, связанной с предыдущей, было показать в рамках усадьбы «сельскохозяйственное и культурное строительство, развёрнутое <...> за последние годы» (Португалов, Длугач, Левитин, 1935, с. 112), дать возможность в рамках прогулки «на лоне природы» «изучить прошлое Подмосковья, его архитектурные и исторические памятники и социалистическую перестройку его промышленности и

сельского хозяйства» (Там же: с. 3). Социальные акценты хорошо видны на примере тематики экскурсий, предлагаемых в Муранове:

- «1. Классовые корни русской дворянской литературы XIX века.
2. Общественно-литературные течения середины XIX века.
3. Среднепоместный усадебный быт первой половины XIX века.
4. Мураново — литературная усадьба на фоне помещичьей России “Мёртвых душ” Гоголя.
5. Жизнь и творчество Тютчева» (Там же: с. 134).

Использование авторами путеводителей непроверенных, недостоверных сведений, произвольная выборка и компоновка фактов в своих целях приводили к ошибкам (например, в очерке о Середникове 1935 г.: «В парке у столетнего дуба [вяза — М. Ф.], под которым по преданию писал свои поэмы Лермонтов, поставлен обелиск [обелиск поставлен у главного дома, а дерево росло в значительном удалении, у церкви — М. Ф.]» (Там же: с. 80)) и откровенным нелепостям, как, например, в очерке путеводителя 1926 г. о станции Салтыковка, которая названа, якобы, по имени «дворянки Салтычихи»: «в одной из пещер парка, выложен из камней старинный тёмный грот, в нём (по преданию) Салтычиха, отличавшаяся религиозностью, скупостью и крутым нравом, заживо хоронила крепостных “бунтарей”». Любопытны предания о расположенных в парке курганах. Местные старожилы, знающие жадность и скупость Салтычихи, рассказывают о том, что якобы во время царского гонения на декабристов, Салтычиха в этих курганах прятала свои ценности, так как её сыновья были видными декабристами. Для выяснения правдоподобности этих легенд местные власти предполагают в ближайшее время произвести раскопки некоторых курганов» (Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы, 1926, с. 136). Аналогично, в путеводителе 1930 г. даются недостоверные сведения о «мрачной славе Салтычихи <...> все уголки её усадьбы в Красном полны легендарных воспоминаний о её зверствах. Характерны названия других селений Салтычихи: д. Страдание, Колотилово, Дерибрюхово в 2-3 км от Красного» (Вокруг Москвы, 1930, с. 161). Воспринятые некритично, такие сведения оказывали сильное воздействие на читателей, запоминались и транслировались. Однако надо сказать, что с точки зрения современной науки предания, при должном комментировании, тоже должны быть включены в научный оборот, представляя значительный культурологический интерес. Так, известный москововед Б.С. Земенков (1902-1963) был очень внимателен к преданиям. «Я однажды за одну фразу купил дореволюционный полулюбочный путеводитель, — рассказывал он. — В нём сообщалось, что после отмены Екатериной строительства дворца в Царицыне Баженов пошёл в парк и там повесился. С научной точки зрения это смешно, но если увидеть в этом своеобразное переосмысление местным населением большой драмы художника, это приобретает совершенно другое значение» (Муравьёв, 1995, с. 273).

С одной стороны, путеводители знакомили с памятниками прошлого, с другой — проповедовали утилитарное отношение к ним, рекламируя в бывших усадьбах возможности «найти тихий уголок для чтения, покататься на лодке, поудить рыбу» (Куделин, 1957, с. 101), устроить «хорошее купанье» (Португалов, Длугач, Левитин, 1935, с. 88) и т.п. Надо признать, что они также были причастны к формированию «десятков и сотен тысяч равнодушных или заученно-озлобленных посетителей» (Греч,

2010, с. 187) усадеб, о которых с горечью писал Греч.

Но при всех указанных особенностях изложения «усадебного» материала, с каждым годом всё явственнее проникало на страницы путеводителей осознание ценности усадебного наследия, понимание нерасторжимости усадебного уклада и высших достижений отечественной культуры. В ряде путеводителей видна попытка донести до читателя это понимание, пусть в замаскированном от цензуры виде.

Усадьбы являются не только «памятниками старины» (Иванов, Барсуков, Федюкин, 1967, с. 51), часто эстетически совершенными, поскольку «богатые помещики <...> при всех своих недостатках были одарены какой-то шириной вкуса» (Подмосковные, 1946, с. 96). Они «связаны с жизнью выдающихся деятелей прошлого» (Иванов, Барсуков, Федюкин, 1967, с. 51), были «очагами культурной жизни» (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 5) и плодотворного общения (как Соколово, Абрамцево, Остафьево и др.). Так, при осмотре дома в Остафьеве «кровь приливает к сердцу от сладостного сознания того, что за этими стенами написана была Карамзиным “История Государства Российского”, что вот здесь на этом крыльце некогда стояли Пушкин, Жуковский, Гоголь и Мицкевич» (Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы, 1926, с. 114). Путеводители писали об «особой атмосфере подмосковной усадьбы» (...в окрестностях Москвы, 1979, с. 12), где «нередко зарождались творческие замыслы» (Литературное Подмосковье, 1950, с. 6), были «задуманы, набросаны или целиком созданы» (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 119) лучшие произведения отечественной культуры. Так, описывая Середниково, авторы отмечают, что «сама усадьба, её природа, быт, прошлое, обитатели и гости, их разговоры и рассказы, воспоминания о декабристах, наконец, крепостное окружение усадьбы – всё это находит отклик в творчестве Лермонтова» (Подмосковные, 1946, с. 54). Здесь проявлено двойственное влияние «усадебных» впечатлений – благотворных или тяжёлых, оказывающихся в равной степени плодотворными в творческом отношении. Так, с одной стороны, «наблюдения за жизнью крепостной деревни [в Спас-Угле] наложили глубокий отпечаток на творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина» (Иванов, Барсуков, Федюкин, 1967, с. 137), с другой стороны, писатель «горячо любил тихое, спокойное Витенёво, как место чудесного летнего отдыха, располагавшее к углублённому и плодотворному труду» (Литературное Подмосковье, 1950, с. 252). Аналогично, амбивалентно благотворным было влияние сельской жизни в Васильевском и Покровском-Засекине на Герцена: с одной стороны, «близкое соприкосновение с жизнью крепостных многому научило Герцена. Он <...> не только безоговорочно стал на сторону народа, но и мучительно осознавал свою принадлежность к дворянству <...> пришёл к окончательному осуждению не только дикого крепостного права, но и всего социального порядка, основанного на эксплуатации» (Подмосковные, 1946, сс. 88-89) (к слову, «юноша Герцен с увлечением читал Ж.Ж. Руссо, чьи труды поднимали “третье сословие” Франции на борьбу с феодальной монархией» (Литературное Подмосковье, 1950, с. 240), в усадебном парке Васильевского); с другой стороны – Покровское-Засекино было местом отдохновения и творческого роста: «после трудных лет ссылки жизнь в Покровском-Засекине была полна творческой сосредоточенности, напряжённого умственного труда, семейного счастья» (Там же: с. 242). И, что важно, «образ России, образ родины сочетался у него с ландшафтами Покровского и Васильевского»

(Подмосковные, 1946, с. 76). Относительно А.А. Блока это сформулировано почти афористично: «две силы, из которых одна притягивает Блока, а другая отталкивает: это Шахматово-природа и Шахматово-быт» (Литературное Подмосковье, 1950, с. 131).

Один из самых значимых вкладов усадеб в русскую культуру путеводители видят в том, что они давали базу для знакомства с народом: в Захарове Пушкин «впервые увидел народную жизнь, наблюдал хороводы, слушал песни крестьян, сказки и поверья» (Подмосковье, 1953, с. 223), в Середникове у Лермонтова «зародилась симпатия к устной народной поэзии» (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 93), в Майданове Чайковский «близко узнал тяжёлую жизнь крестьян дореволюционной России» (Подмосковье, 1953, с. 255), в Абрамцеве Мамонтовы и их гости начинают внимательно изучать художественное народное творчество, что приводит к открытию ремесленных мастерских для крестьян, и т.д.

Усадьбы выступали своеобразными хранилищами, аккумулируя достижения русской культуры: так, в Остафьеве были сохранены вещи Пушкина (жилет, трость и пр.) (Вокруг Москвы, 1930, с. 152), в Кускове – свидетельства «замечательного искусства крепостных мастеров XVIII века» (Подмосковье, 1953, с. 188) и т.д.

Не могут обойти вниманием путеводители тот факт, что усадьбы становились «базами» для будущих серьёзных достижений советской эпохи. Так, усадьбы Кусково и Любимовка были «колыбелью» театров – Кусковского крепостного и Московского художественного, «сыгравших большую роль в истории русского искусства» (Длугач, Миллер, Романов, 1941, с. 9). Каждое лето отдыхая в Боблове, Д.И. Менделеев «на большом поле <...> проводил опыты по применению минеральных удобрений для повышения плодородия почвы. Урожаи на удобренной земле были в 4-5 раз выше, чем на соседних землях» (Иванов, Барсуков, Федюкин, 1967, с. 102-103). Организованная Брюсом в усадьбе Глинки «хорошо оборудованная физическая лаборатория» (Там же: с. 151) была впоследствии передана Академии наук; созданные Мамонтовыми в Абрамцеве столярная и гончарная мастерские, преобразованные в школу кустарного ученичества, продолжили своё существование и в советское время, работая на столичный рынок. Совхоз, организованный в усадьбе крупного аптекаря Феррейна в Битце, где до революции разводились культуры лекарственных растений для нужд торговых предприятий, оказался «в ведении Аптекоуправления Мосздравотдела, и культура лекарственных растений значительно расширена» (Вокруг Москвы, 1930, с. 149). Благодаря исключительной живописности ландшафтов усадьбы становились не только базой для домов отдыха и санаториев, но и образцом для «строительства новых дворцов-санаториев и парков, таких же прекрасных» (Подмосковье, 1953, с. 198), «при решении новых архитектурных задач, выдвигаемых нашей великой эпохой» (Торопов, 1947, с. 26). Повествование об усадьбе Авдотьино выстроено на сопоставлении деятельности её опального владельца Новикова по улучшению жизни крестьян и послереволюционных событий на территории усадьбы: «Лучшие традиции Новикова не забыты здесь и до сих пор. В дни Великой Отечественной войны авдотьинцы создали на свои средства детский дом для детей, потерявших во время войны своих родителей. Помещается этот дом в том самом двухэтажном флигеле, на котором укреплен мемориальный новиковский домик. Это – лучшая память о писателе»

(Подмосковные, 1946, с. 22). Таким образом, преемственность усадебных сюжетов могла рассматриваться амбивалентно. С одной стороны, путеводители приветствовали возвращение усадьбы в руки «законных владельцев», с другой стороны – не отрицали роли усадьбы как стартовой площадки будущих достижений советской эпохи.

Усадьбы могли выполнять и довольно экзотические роли – например, убежища, каковым предстаёт усадьба Виноградово для И.А. Крылова, который, «помня о судьбе А.Н. Радищева и Н.И. Новикова, <...> предпочитает надолго скрыться с глаз правительства» (Подмосковье, 1953, с. 221), или оплота против буржуазной культуры, каким виделось Архангельское Герцену (Литературное Подмосковье, 1950, сс. 29-30). Но в целом ценность усадьбы заключалась (как в Остафьеве) в сочетании «живописности <...>, интереснейших вещей <...>, исторического прошлого» (Вокруг Москвы, 1930, с. 154) или (как в Мелихове) в благотворной для творчества обстановке: «Мелихово обеспечивало те условия, которые нужны были для дальнейшего развития творчества Чехова, и годы жизни в Мелихове стали годами расцвета его таланта. Чувство личной свободы, непосредственная близость к народу, к природе <...> здоровая, деятельная, трудовая атмосфера мелиховского быта, новые люди и при всём этом возможность для внутренней сосредоточенности – вот что дало Мелихово Чехову. Жизнь в Мелихове значительно расширила и углубила наблюдения Чехова над русской действительностью. <...> мелиховские впечатления имели большое значение и для последующего творчества Чехова» (Литературное Подмосковье, 1950, сс. 101, 104).

Интересные выводы даёт сравнение ранних и более поздних путеводителей. Часть материала убиралась, часть добавлялась, тексты переписывались в связи с историко-культурными настроениями эпохи. Например, если в очерке в путеводителе 1941 г., посвящённом Горкам Ленинским, даны сведения о посещении Горок И.В. Сталиным (Длугач, Миллер, Романов, 1941, сс. 40-41), то в путеводителе 1956 г. сведения о пребывании Сталина изъяты, зато добавлены подробности о быте Ленина в усадьбе (Подмосковье, 1956, с. 24), что шло в соответствии с общим процессом этого времени – избавлением от наследия культа личности, ростом внимания к культуре повседневности, к интимной стороне жизни человека. Изменение риторики можно проследить на марфинском сюжете. Поздние путеводители уже не так безапелляционно излагают историю о засечённом насмерть Владимире Белозёрове, упоминая при этом «предание» (Куделин, 1957, с. 33) и «народную молву» (Подмосковье, 1956, с. 190), смягчают формулировки и характеристики (вроде «самодур-помещик»). Десять лет спустя эта история и вовсе уходит из поля зрения авторов, уступая место архитектуре: «Из построек XVII в. на территории усадьбы сохранились небольшая церковь в стиле раннего барокко, созданная крепостным архитектором Василием Белозёровым. Рядом с церковью могила талантливого зодчего» (Иванов, Барсуков, Федюкин, 1967: 84); «В середине XVII века оно [Марфино] становится владением князей Голицыных, от времени которых сохранилась небольшая, с белокаменными деталями церковь, построенная в 1707 г. крепостным зодчим Б.А. Голицына Владимиром Белозёровым, погребённым рядом с церковью» (Земенков, 1962, с. 273). Любопытно проследить, как уменьшается количество информации об историко-культурных памятниках в путеводителе «Дачи и окрестности Москвы» (1-е изд. – 1928, 2-е изд. – 1930, оба

подготовлены ОИРУ) (Злочевский, 2011, сс. 78-79) и одноимённой книге 1935 г., где «подмосковные дачные местности описаны только с тех точек зрения, которые могут интересовать дачников» (Португалов, Длугач, Левитин, 1935, с. 3). Интересный материал для сопоставления дают разные формулировки в близких друг другу по времени и родственных путеводителях 1953 и 1956 гг. – например, относительно усадьбы Архангельское: «Поблизости недостроенное здание церкви-мавзолея, поражающее своим безвкусием; это образец архитектурной эклектики начала XX в.» (Подмосковье, 1953, с. 198) – «Поблизости – недостроенная церковь-мавзолей. Это пример архитектурной эклектики начала XX века» (Подмосковье, 1956, с. 179); «В 1809 году Архангельское было продано князю Н.Б. Юсупову – богатейшему и жесточайшему помещику-крепостнику» (Подмосковье, 1953, с. 193) – «В 1809 году Архангельское продается Н.Б. Юсупову, богатейшему крепостнику» (Подмосковье, 1956, с. 179); из текста 1956 г. убрано стихотворение Пушкина «Деревня»: «...Здесь барство дикое, без чувства, без закона / Присвоило себе насильственной лозой / И труд, и собственность, и время земледельца») (Подмосковье, 1953, с. 193). А в путеводителе 1967 г. упоминается стихотворение «К вельможе», посвящённое Юсупову «как ценителю искусства и красоты» (Иванов, Барсуков, Федюкин, 1967, с. 66).

Постепенно, по мере удаления от революционных событий, остросоциальный угол рассмотрения усадебного наследия смягчался, усиливался интерес к усадьбе как к национальному достоянию и национальному феномену, углублялось понимание этого явления. Максимально деликатный и профессиональный в отношении усадеб текст вошел в альбом «...в окрестностях Москвы. Из истории русской усадебной культуры XVII-XIX веков» (1979, тираж 30000 экземпляров). Усадьбы предстают здесь «как сложное и многогранное явление, тысячью нитей связанное с художественной культурой своего времени, с брожением идей и со сменой вкусов», экономическим, «социальным и духовным бытием»; как явление одновременно типологическое и уникальное; «как первоклассные памятники», «очаги передовой русской культуры» своего времени, хранители «всего того богатства, которое было накоплено несколькими поколениями искусных мастеров архитектуры, скульптуры, садово-паркового искусства и живописи» (...в окрестностях Москвы, 1979, с. 12). Путеводитель уходит от яркой социальной обусловленности, признавая, что «среди творцов подмосковных ансамблей были и талантливые крепостные мастера, и безвестные древние зодчие, и великие русские архитекторы», и все они, вне зависимости от социального происхождения, «вдохнули в произведения усадебной архитектуры частицу своей души, и соприкосновение с ней никогда не перестанет быть волнующим» (...в окрестностях Москвы, 1979, с. 12). Авторы альбома призывали к «поэтической традиции» восприятия усадьбы «добавить пафос научного изыскания» (...в окрестностях Москвы, 1979, с. 12). Такое отношение к усадьбе прокладывало дорогу современному усадебоведению.

Однако, и более ранние рассмотренные путеводители представляют сегодня большой научный интерес. Они содержат ценную информацию о сохранности усадебных ансамблей в разные периоды времени²⁷, об этапах музеефикации и ряд

²⁷ Так, путеводитель «Прогулки по Подмосковью. Краткий справочник» (1957) отмечал: «Напрасно, однако, искать в этих усадьбах чего-либо характеризующего жизнь и быт великого учёного и великого поэта.

других сведений. Но, в первую очередь, они культурологически значимы, демонстрируя динамику осмысления усадебного наследия.

REFERENCES

- Dachi i okrestnosti Moskvy. Spravochnik-putevoditel'. 2-e izdanie.* (1930). Moskva: Mosreklampravizdat.
- Dlugach, V., Miller, P., Romanov, S. (1941). *Podmoskov'e*. Moskva: Moskovskij rabochij.
- Grech, A.N. (2010). *Venok usad'bam*. Moskva: AST-PRESS KNIGA.
- Illjustrirovannyj putevoditel' po okrestnostjam Moskvy. S prilozheniem karty okrestnostej Moskvy* (1926). Ju.S. Rozenberg (Red.) Moskva: Molodoj leninec.
- Ivanov, V., Barsukov, V., Fedjukin, G. (1967). *Podmoskovnye mesta. Putevoditel' po rajonom turizma*. Moskva: Mysl'.
- Jekskursii v podmoskovnye. Plan letnih jekskursij na 1925 g., ustraivaemyh Obshhestvom izucheniya russkoj usad'by.* (1925). Moskva: Izdanie O.I.R.U.
- Kudelin, P.G. (1957). *Progulki po Podmoskov'ju. Kratkij spravochnik*. Moskva: Moskovskij rabochij.
- Literaturnoe Podmoskov'e: Arhangel'skoe, Chernaja Grjaz', Zaharovo, Abramcevo, Melihovo, Shahmatovo, Kuncovo.* (1959). Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'skoj literatury.
- Murav'jov, V.B. (1995). «*Popravljajte i prodolzajte*». Boris Sergeevich Zemenkov. 1902-1963. *Kraevedy Moskvy (Istoriki i znatoki Moskvy)*. Moskva: Izdatel'stvo «Knizhnyj sad», 260-280.
- Pamjatniki usadbnogo iskusstva. Vyp. 1. Moskovskij uezd.* (1928). Moskva: Izdatel'stvo OIRU.
- Podmoskovnye: Avdot'ino, Muranovo, Serednikovo, Podmoskovnye Gercena, Chehovskaja Istra.* (1946). Moskva: GLM.
- Podmoskov'e. Turisticheskie marshruty.* (1953). Moskva: Izdatel'stvo VCSPS, Profizdat.
- Podmoskov'e. Jekskursii i turisticheskie marshruty. Izdanie vtoroe, pererabotannoe* (1956). Moskva: Izdatel'stvo VCSPS, Profizdat.
- Portugalov, P.A., Dlugach, V.A., Levitin, M.F. (1935). *Dachi i okrestnosti Moskvy*. Moskva: Moskovskij rabochij.
- Rucinskaja, I.I. (2011). Putevoditel' kak instrument konstruirovaniya regional'nyh dostoprimechatel'nostej (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.). Vizual'nye zadachi vosprijatija. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*, 19(2), 53-64.
- Toropov, S.A. (1947). *Podmoskovnye usad'by*. Moskva: Izdatel'stvo Akademii arhitektury SSSR.
- Shamurin, Ju.I. (1914). *Podmoskovnye. Kn. 2*. Moskva: Obrazovanie.
- ...v okrestnostjah Moskvy. *Iz istorii russkoj usadebnoj kul'tury XVII-XIX vekov* (1979). Moskva: Iskusstvo.
- Veselovskij, S.B., Snegirev, V.L., Zemenkov, B.S. (1962). *Podmoskov'e. Pamjatnye mesta v*

В Боблове сохранились лишь парк и пруд, а в Шахматове — деревья и кустарник. Но скромная русская природа, “угол рая”, прельстившая Менделеева и Блока, осталась той же» (Куделин, 1957: 174).

- istorii russkoj kul'tury XIV-XIX vekov. Izdanie vtoroe, dopolnennoe.* Moskva: Moskovskij rabochij.
- Vokrug Moskvy. Jekskursii* (1930). N.A. Gejnikе (Red.). Moskva: Rabotnik prosveshhenija.
- Zlochevskij, G.D. (2011). *Obshhestvo izuchenija russkoj usad'by: ego dejatel'nost' i rukovoditeli (1920-e gody)*. Moskva: Institut nasledija.
- ...в окрестностях Москвы. Из истории русской усадебной культуры XVII-XIX веков (1979). Москва: Искусство.
- Веселовский, С.Б., Снегирев, В.Л., Земенков, Б.С. (1962). *Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV-XIX веков*. Москва: Московский рабочий.
- Вокруг Москвы. Экскурсии*. (1930). Н.А. Гейнике (Ред.). Москва: Работник просвещения.
- Греч, А.Н. (2010). *Венок усадьбам*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.
- Дачи и окрестности Москвы. Справочник-путеводитель* (1930). Москва: Мосреклам-правиздат.
- Длугач, В., Миллер, П., Романов, С. (1941). *Подмосковье*. Москва: Московский рабочий.
- Злочевский, Г.Д. (2011). *Общество изучения русской усадьбы: его деятельность и руководители (1920-е годы)*. Москва: Институт наследия.
- Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы. С приложением карты окрестностей Москвы* (1926). Ю.С. Розенберг (Ред.). Москва: Молодой ленинец.
- Иванов, В., Барсуков, В., Федюкин, Г. (1967). *Подмосковные места. Путеводитель по районам туризма*. Москва: Мысль.
- Куделин, П.Г. (1957). *Прогулки по Подмосковью. Краткий справочник*. Москва: Московский рабочий.
- Литературное Подмосковье: Архангельское, Черная Грязь, Захарово, Абрамцево, Мелихово, Шахматово, Кунцево* (1959). Москва: Государственное издательство культурно-просветительской литературы.
- Муравьев, В.Б. (1995). *«Поправляйте и продолжайте». Борис Сергеевич Земенков. 1902-1963. Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы)*. Москва: Издательство «Книжный сад».
- Памятники усадебного искусства. Московский уезд*. (1928). Москва: Издательство ОИРУ.
- Подмосковные: Авдотьино, Мураново, Середниково, Подмосковные Герцена, Чеховская Истра* (1946). Москва: ГЛМ.
- Подмосковье. Туристические маршруты*. (1953). Москва: Издательство ВЦСПС, Профиздат.
- Подмосковье. Экскурсии и туристические маршруты*. (1956). Москва: Издательство ВЦСПС, Профиздат.
- Португалов, П.А., Длугач, В.А., Левитин, М.Ф. (1935). *Дачи и окрестности Москвы*. Москва: Московский рабочий.
- Рущинская, И.И. (2011). Путеводитель как инструмент конструирования региональных достопримечательностей (вторая половина XIX – начало XX в.). Визуальные задачи восприятия. *Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 19(2), 53-64.
- Торопов, С.А. (1947). *Подмосковные усадьбы*. Москва: Издательство Академии

архитектуры СССР.

Шамурин, Ю.И. (1914). *Подмосковные*. Кн. 2. Москва: Образование.

Экскурсии в подмосковные. План летних экскурсий на 1925 г., устраиваемых Обществом изучения русской усадьбы. (1925). Москва: Издание О.И.Р.У.